

1.2. Жертвы животного происхождения

В данном разделе работы предпринимается попытка исследования даров животного происхождения на разных уровнях — описываются части тел домашнего скота и птицы, а также продукты из них.

Ритуальное умерщвление животных

Как выяснилось, у чувашей существует три способа ритуального умерщвления жертвенных животных — резание (закалывание), сворачивание головы и удушение.

Резание жертвенного дара. В обрядах типа *чӱк* и *Киремет* выбранное животное на месте жертвоприношения обливают водой [ЧГИ 147: 222; 151: 247; 152: 184 и др.]. В *Учуж*, например, один из стариков зачерпывает из ведра ковш воды и, поливая ею животное, моет ему голову между ушами, затем обливает сверху. В это время участники обряда держат остальной скот за недоуздок, обратившись в сторону востока. Все они молятся божеству *Турӑ*. Именно в момент моления животное отряхивается от воды, если этого не происходит, то такое животное отпускают обратно или продают. Деньги оставляются на *чӱк* следующего года. Если животное отряхнет с себя воду, все разом совершают коленопреклонение.

В отличие от обрядов типа *чӱк*, в ритуалах, обращенных к духам предков (*юпа*, *кӑр сӑри*, *виççӑш* и т.п.), обливание животного перед закалыванием не практикуется.

Естественно, любое животное (даже птицу) во время обливания и резания приходится держать на привязи. Что касается крупного животного, то здесь существуют правила связывания и сваливания его на землю. У быка вначале связывают переднюю правую и заднюю левую ноги. После этого его сталкивают. Во время резания его крепко прижимают, чтобы он не дергался, ибо мясо такого животного становится безвкусным.

В ритуалах, адресованных духам родственников, к лежащему на земле скоту подходит одна из женщин и, приблизившись к его уху, голосит: «Пусть будет тебе, дом-хозяйство свое не вспоминай, скот свой не вспоминай!» [ЧГИ 21: 525]. Таким образом, дается знать, что жертва принесится взамен спокойной жизни людей на этом свете. По представлению участников обряда, жертвенное животное, доставляемое в иной мир в дар родственникам и односельчанам, способно донести сказанные слова до адресата.

Если в общесельских ритуалах в качестве резальщика выступает кто-либо из пожилых степенных мужчин — участников обряда [Автор],

то в обрядах семейного, родового и индивидуального порядка для выполнения такой миссии могут приглашать постороннего, даже из иной деревни. Чаще всего чуваши звали татар [ЧГИ 154: 222]. За выполненную работу ему платили. Так поступали, например, готовясь к обряду *юпа*.

Время и место резания отобранного животного зависят от вида обряда. На *мункун*, например, утром с восходом солнца режут курицу.

Третья книга Пятикнижия, посвященная уставам жертвоприношения, описывает наставления, касающиеся способов умерщвления животных. При резании скота, например, следует положить руку на голову приношения и заколоть его перед лицом Яхве у двери Шатра Закона [Лев. 3: 2]. Символика положения руки, должно быть, означает посвящение животного божеству через убиение. Знаков посвящения может быть множество. Так, по наблюдениям исследователей, марицы перед закланием жертвы стучали топором о стол и прислушивались к стуку, а затем кадили зажженной головней [Александров 1899: 8]. Согласно утверждению богословов, животное необходимо избавить от чрезмерных страданий. Для этого пользовались большим острым ножом, чтобы порез совершался быстро, перерезывал пищевое и дыхательное горло, кровь текла быстро, не теряясь [Лев. 1: 5–6]. В древности на Востоке обеты закреплялись закланием животного. При этом его разрубали на две части и проходили между ними. Это свидетельствовало перед Богом и людьми, что в случае нарушения союза их ожидает кара [Быт. 15: 9–10]. Само библейское название завета происходит от глагола «резать, рассекать, разрубать», что «ясно указывает на тесную связь его с вышеописанным обрядом» [ТБ. Быт. 15: 18].

Удушение жертвенного животного. По данным ритуальных действий по умерщвлению животных иногда ретроспективно невозможно воссоздать точную картину происходившего жертвоприношения. Так, говоря об отделении души, некоторые источники утверждают, что курице не сворачивают и не отрывают голову, а душат ее [ЧГИ 21: 24]. Возможно, речь идет о смысловых вариантах одного явления. Говорить о том, что удушение животного в ритуальных целях у чувашей не практиковалось, у нас нет оснований. Этнографам известен тубаларский обряд *тайэлган*, где удушение животного занимает центральное место в ритуальном приношении. В целях точной передачи сцены приведем опубликованное описание жертвоприношения конем. «Носовую перегородку через ноздри протыкают особой, около двух четвертей длины, палочкой — “пуургуч” (чуваш. *пӑркӑч*. — А.С.), а морду обвязывают кругом веревкой, прикрепленной обоими концами к палочке. Крутят ее

до тех пор, пока не прекратят совершенно доступ воздуха в легкие коня, и некоторое время ждут. Спустя несколько минут он задыхается идохнет в страшных мучениях. Это удушение необходимо, по верованию тубалар, для того, чтобы дух жертвы “не вылетел”, и чтобы кам мог его “отнести” к божеству, которому он предназначен» [Глухов 1926: 99].

Существуют основания говорить о возможном удушении птиц в библейских текстах. Ведь «священник лишь свертывал... голову птице, не отделяя вовсе головы от туловища» [Лев. 1: 14–17]. Ни резания, ни отделения головы не происходит. В таком случае возможно «прочтение» текста именно в аспекте удушения жертвенных птиц. Физиологические изменения, происходящие при сворачивании головы без отделения от туловища, говорят в пользу удушения жертвы.

Сворачивание головы жертве — способ умерщвления. К нему прибегают, когда прощаются с кем-либо навсегда, например, отделение души от тела сопровождает сворачивание головы курице. Свернутая голова птицы отделяется от тела и выкидывается за забор. По мнению информантов, эта курица водит за собой душу умершего человека на том свете [ЧГИ 21: 512]. Аналогичные действия предпринимаются в ритуале *юна*, когда с душой родственника прощаются окончательно. Разница лишь в том, что оторванная голова курицы бросается на улицу исключительно в сторону кладбища [ЧГИ 154: 223]. В Библии жрец, жертвуя птицей, сворачивает ей голову и окуривает на жертвеннике [Лев. 1: 15].

Части тел животных

Кости — *шайма* (*шайна*, *шайм*). Описания обращения с жертвенными костями находим в таких обрядах, как *Учук*, *Киремет* и *юна* [Поле 90: 215; МАЭ, отд. Европы, колл. 1040.5; Erdmann 1822: 343 и др.].

К костям жертвенного животного сложилось бережное отношение. Отделение мяса и его поедание происходит по общепринятым правилам. Раздающий сам за стол не садится, а ходит и следит, чтобы правильно обращались с костями и складывали их. Креститься при этом не следует. Если дети по неосторожности роняют кость или дерутся — плохой признак. Считается, что эта семья или община в чем-то провинилась. Очищенные кости складывают в специальные чашки или ковши. Затем миска ставится в печку для сушки. Подготовленные таким образом кости можно отнести на священное место, сжечь, повесить на дерево, увезти на кладбище и т.д. Если это череп лошади, то на него надевают символический недоуздок и вешают его на священное дерево. Случайные находки и специальные археологические раскопки на местах складывания костей после жертвоприношения обнаруживают следы давних

ритуалов. Например, на небольших холмах находят кости куриц — это остатки дарственных приношений хозяевам местности. По типам и размерам костей археологи определяют виды жертвенных животных. В недавнем прошлом на заборах и в пчельниках можно было видеть черепа крупного скота — от сглаза, ибо недобрый взгляд в первую очередь остановится на этих светлых костях.

Одно из требований к употреблению жертвенного животного — его нужно съесть за один раз. Выполняя наказ знахаря, чуваша в целях излечения от болезни режут барана, которого съедают одновременно (естественно, приглашая родственников и соседей). Кости такого скота относят в поле. Ломать их во время трапезы запрещается. Вообще, чуваша и во время обычной трапезы разделяют кости в области суставов. Аналогичное требование находим в Ветхом Завете. Следует назвать определенные части скелета животных, которые чуваша наделяют условно-прикладными функциями. Так, лопатки крупного скота тщательно очищают от мяса. После этого они используются в качестве ритуальных предметов для гаданий. Например, если кость просвечивает насквозь, то это означает, что жертва стала особенно угодной божееству; если видны черные линии — жертва не принята. Также хорошо следует очищать от мяса килевую кость птицы, ибо на ней (она по-чувашски называется *лаши* — «лошадь его») пришедший на *мункун* дух родителя отправляется верхом обратно на кладбище. Поэтому в таких случаях говорят: «Отец, тебе лошадь даю, езжай верхом» [ЧГИ 150: 468].

Вообще, существует несколько форм обращения с костями. В ритуале, посвященном божееству *Кирмет*, например, кости покрупнее собирают и, связав их, вешают на дерево. Об аналогичном обряде у марийцев говорится, что «кости и кожу... жгут» [Александров 1899: 8]. Видимо, можно провести параллели между обращением с костями жертвенных животных и способами захоронений человека. Реконструкция может выглядеть следующим образом: вешание костей — воздушное погребение; сжигание костей — сжигание умершего; закапывание костей — похороны в могильных ямах; выбрасывание и оставление костей на месте — наземное захоронение. Следует заметить, что во многих тюркских наречиях *сал* означает «кладбище» — буквально «место, где складывают кости» [Радлов 1911: 345–346]. У чувашей место, куда складывают кости животных, называется *шйнӑ хӑртни* (букв. «иссушение костей»). Такое урочище, например, находилось на земле Большеяушского общества в Ядринском у. Казанской губ.

Следует заметить, что кости — единственную часть жертвенной пищи — не следует давать собакам. После употребления мяса они

убираются в недоступное для собак место или все сжигаются. Ибо кости — это скелет, призванный восстановиться, они способствуют возрождению. Поэтому их нельзя грызть, стучать ими, выбрасывать в непригодные места. В этом плане чувашский обычай обращения с костями аналогичен индоевропейским сюжетам (например, зорастрийскому ритуалу и примерам из древнеисландского эпоса).

Исследователи символа в культурах признают кость в качестве символа жизни, ибо существует вера в бессмертие и способность воскреснуть [Керлот 1994: 267]. Именно эта идея движет и чувашами, когда они строго следуют правилам целостности всех частей скелета жертвенного животного. Вообще понятия «кость» и «родственная связь» у чувашей синонимичны. Желая указать на родство по мужской линии, говорят: «Они одной кости».

Голова — *нус* — жертвенного животного в ритуалах составляет предмет специального приношения. Особенно это проявляется в действиях обряда *юна* [ЧГИ 6: 574; 21: 525, 530 и др.]. Предварительно помолившись дома, идут во двор и режут скот, а голову (например, лошади) приносят в дом и совершают соответствующее жертвоприношение.

В основном голову животного в вареном или сыром виде несут на кладбище. Так, в *юна* ездят звать родственника с кладбища домой. «Для этого ездили на кладбище с колоколами, захвативши с собой сваренную голову и ноги того животного, которое было закалываемо в память умершего, брали также с собой кувшин пива, блюдо, ложку, половник» [ЧГИ 172: 11 об.]. Иногда потроха, голову и ноги зарезанного животного бросают в канаву кладбища, что по функции равнозначно предыдущему примеру. Иногда голову оставляют около символического мостика, построенного специально в начале оврага по пути на кладбище. Существуют и другие формы жертвования.

Ноги животного, зарезанного по случаю жертвенного дара, в большинстве случаев сопутствуют голове, т.е. их не отделяют, а приносят в комплексе [ЧГИ 21: 25, 525, 530 и др.]. Поэтому считается допустимым говорить о них одним словом *нус-ури*, т.е. «голова и ноги (животного)» [Ашмарин 1936: 20]. Мясо, пиво и другие продукты также могут входить в ряд совместимых с головой даров.

Наряду с тюркскими соответствиями, этимология чувашского *нус/нос* имеет параллель с родственным индоиранским словом *пати* — «вождь», «глава» [Корнилов 1973: 61].

В одном из источников поясняется, что голову жертвенного животного ест хозяин, ибо он глава дома [Ашмарин 1936: 15]. В рамках этого объяснения можно рассматривать описание, согласно которому голова

скота вручается жене мужчины, продавшего животного для жертвоприношения. Аналогично можно оценить и приношение в адрес духов предков, о чем уже говорилось. Предки, находясь в ином мире, остаются реальными хозяевами дома и скота. В речи старшего дружки отмечается также, что голова зарезанного на свадьбу быка идет в жертву покинувшему этот мир родственникам. В *чўклем* — в обряде по случаю получения нового урожая на стол — в качестве адресата называют *Туря*: «Не нам голова, голова — божеству *Туря*» [ЧГИ 21: 172]. Такой факт отмечен и в Волжской Булгарии. Здесь вешали головы рогатого скота или овец на дерево. «Когда же наступит ночь, придут собаки и съедят все это. И говорит тот, кто это сделал: “Господь уже стал доволен мною и съел мой дар”» [Ковалевский 1956: 143].

Таким образом, голова как центр жизненных функций является наиболее важной частью жертвенного животного.

Крылья — *сунат* — встречаются в контексте обращения к божествам высшей иерархии — *Туря* и *Пирёшти*. Например: «Довольствуйся, Туря! Кислой лепешкой, котлом каши, крылатым гусем, от чистого сердца, в хорошем настроении, уважая тебя, дар приношу» [ЧГИ 23: 218]. Такие примеры часто встречаются в самом торжественном родовом молении — *чўклем*.

Гусю, выбранному в жертву, расправляют крылья и обливают его водой из кружки. При этом он должен встрепенуться, иначе считается, что жертва не угодна божеству. Практически происходит обмывание, иначе — очищение жертвы.

Крыло — знак птицы, птица — символ полета, возможности полететь к небу. Небо, в свою очередь, символ божественности. Ведая об этой знаковой системе, жертвователь подчеркивает, что, проводя молению, он приносит божеству крылатую птицу. В упоминании крыла также присутствует намек на просьбу к божеству принять под свои крылья, т.е. защиту. В текстах на это указывается недвусмысленно: «Чистый Пирёшти, ты своими невидимыми крыльями нас, от души молящихся, во время сна, при переходе реки, в лесу на незнакомых тропах — во всех делах храни и береги» [ЧГИ 23: 223].

Перья — *тёк*. Материалы о них содержатся в источниках про *Киремет*, *Учук*, *хывни* [Поле 90: 238; ИИ, колл. 238, оп. 2. 145а/82: 1, 2 и др.]. Перья от жертвенной птицы оставляют на месте ее резания, выбрасывают на улицу, сжигают и т.д. Естественно, перьям сопутствует пух. В молениях по разному поводу часто упоминаются перья, которые должны способствовать размножению домашней птицы. Утверждают, если худого цыпленка пустить к курице-наседке, то цыпленок поправится, наевшись материнского пера [Ашмарин 1941: 20].

Таким образом, обнаруживается тесная связь между понятиями «плодородие», «воздух» и «перо». Только в таком контексте понятны ставшие уже во многом архаичными выражения из чувашских молитв: «пусть размножатся из перьев», «радуй нас перьями-волосами, мочой и экскрементами» [Ашмарин 1941: 21]

Кроме того, умершие родственники и односельчане, согласно верованиям, используют перья для набивания перин и подушек. В любом случае перья жертвенных птиц домой не берут.

Печень — *pěver* — становится центром внимания в наиболее сакральной части тех ритуалов, где есть необходимость проведения *ал валли* (букв. «для руки» или «ручные части»). Смысл состоит в следующем: у сваренных туш животных от наиболее жизненно значимых органов (в том числе печени) отрезают кусочки мяса и раздают тем лицам, которые встают на молитву. Люди, держа полученные кусочки в руках, обращаются с молитвами к определенным божествам и духам [Поле 90: 235; ЧГИ 21: 8; 152: 185 и др.]. Варианты вырезаемых частей могут быть разными в зависимости от вида ритуала. Например: от сердца, печени, желудка; также от сердца, печени, груди, головы, репицы; от лепешки, груди жертвенного животного, желудка, печени. Как видим, ритуальна печень крупного скота, а печень птицы не может быть использована в сцене *ал валли*. Марийцы печень, а также сердце, ноги и головы жертвенных животных сжигают в огне [ЧНМ, учет. № 4482.12: 3 об.], что функционально однозначно. Посвящение и сжигание кусочков (т.е. образцов) в огне — два варианта достижения одной цели.

Продукты

Яйцо — *çăмарта*. В общесельском обряде *сёрен* куриное яйцо занимает центральное место в качестве жертвенного дара. Действия в ритуале: сбор, варение, совместная еда и скатывание в овраг — разворачиваются вокруг яйца. В финале плясали под музыку волынки и кидали в овраг яйца, выпроводив всю нечисть (болезни, незваных духов, иноверцев). Самый значительный родовой обряд — *мункун* — также уделяет много внимания яйцу, по-другому его еще называют «Праздником яйца». Яйцо играет заметную роль также и в ритуале, проводимом во время отделения души от тела у члена семьи [Поле 90: 156–157, 219 и др.].

Совместно с этим продуктом в качестве жертвы в обрядах чаще всего используются каша, пиво и блины. Во время первого выхода на сев проводится специальное моление, к которому «варят яйца по числу присутствующих и едят их, положив в кашу» [Ашмарин 1928: 80].

В отдельных случаях можно заменить яйцо монетой, картофелем, горбушкой хлеба, курицей или петухом [ЧГИ 15: 392; 145: 456; 154: 364 и др.].

В вербальном тексте высказывается пожелание, раскрывается цель жертвоприношения. Так, вместе с зерном в начале сева в борозду бросают яйцо, при этом говорят: «Пусть, как это яйцо, тяжелым вырастет колос» [Поле 90: 173].

Обширны семантические функции ритуального яйца. Его смысловая нагрузка выражаются через конкретные действия-обращения (разбивание, бросание, окрашивание и т.д.). Так, основные этапы жизни человека, такие как появление на свет, свадьба и уход из этого мира, сопровождаются обрядовыми действиями, условно называемыми «разбивание яйца над головой». Например, «когда родит чья-нибудь жена, тогда бабка, взяв два сырых яйца, разбивает лутошкою над головою рожденного, говоря: “Сирлах”, что значит “Помилуй”, отрывает курице голову и как оную, так и разбитые яйца бросает за ворота» [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 264]. Аналогично на свадьбе дружка над головой невесты разбивает лутошкой сырые яйца. Те же действия продельвают при отделении души от тела. «Когда больной испускал свой дух, то старшая в семье женщина брала два сырых куриных яйца и разбивала их над головою умершего» [РГО, р. 37, оп. 1.48: 1]. В данном случае отдавали душу за душу, но не менее ценную, находящуюся в состоянии потенции, т.е. сырую, ибо живая душа должна совершить путешествие в иной мир и продолжить там жить. В этих церемониях присутствует процесс творения. В традициях многих народов Евразии начало творения связывается с тем, что мировое яйцо, брошенное в небо, раскалывается, взрывается [Топоров 1988: 681]. Иначе говоря, рождение, выход замуж и переход в иной мир, по сути, рубежи инициации, переступить которые означает переход ранее существовавшей души в иное качество, приобретение качественно нового статуса.

Бросание яйца в огонь во время пожара приводит к прекращению буйства стихии. Согласно рассказу оренбургских чувашей, однажды некая старуха подошла к горящему объекту и попросила дать ей яйцо. Затем она что-то нашептала и бросила яйцо в огонь — пожар потух [Поле 89: 87].

В *мункун*, *сёрен* и *ака пәтти* чуваша красят яйца. Цвета крашеных яиц передаются прилагательными «желтый» и «красный». Так, в *мункун* на столе можно увидеть полную чашку крашеных яиц. В народных традициях имеется объяснение происхождения неба, земли и солнца из яйца. Солнце, как объясняют, образовалось из желтка. «Во многих случаях яйцо мировое описывается как золотое, иногда ему присущи и другие

атрибуты солнца» [Топоров 1988: 681]. Другой признак, сближающий яйцо с желаемым объектом, — это форма. У чувашей это проявляется в весеннем обряде первого выгона скота в стадо. Вручая пастуху яйцо, говорят: «Пусть, как эти яйца, круглые станут за лето». Или: «Пусть, как эти яйца, жирными будут»; «Пусть скот, как яйцо, сытый будет» [Поле 89: 122; 90: 206; ЧГИ 151: 323 и др.]. В удмуртском обряде по случаю выхода на сев хозяин бросает яйца вместе с зернами в знак того, чтобы зерна уродились такой же величины и цвета и имели бы такую же полноту, какую имеют яйца [Гаврилов 1880: 159]. Аналогия «яйцо–мир» имеет всеобщий характер. У иранских народов «космогонические мифы представляли мир созданным в форме яйца, где земля подобна желтку, небо — скорлупе» [Брагинский, Лелеков 1987: 562].

Определенный интерес представляет ритуальное катание яйца. Перед тем как привезти тело родственника, у входа на кладбище катают яйцо, стараясь не разбить его [Поле 89: 101]. В родовом обряде *мункун* также катают яйцо на кладбище [Поле 89: 64]. В бывшей Югославии на Пасху устраивали различные игры, в том числе «яйца катали по земле с горки» [Кашуба 1977: 261]. В *сёрен* в конце обряда в овраг скатывают одно яйцо. Во всех случаях оно не должно быть разбито.

Во время родовых угощений об этом напоминает песня, хотя и символически:

Меж Самаром и Сакмаром
Стеклянные яйца катал.
Неаккуратно катнул — и разбил,
Явившись к этим родственникам,
Нескладно говорил — и охладил [ЧГИ 173: 336].

В богатырской сказке об Илье-богатыре [ЧГИ 57: 147–269] престарелые старик со старухой, чтобы занять наследника, покупают на базаре яйцо и играют вдвоем в игру «Катание яйца на полу». Действительно, мечта стариков исполняется. Как показали исследования лингвистов, семантическими множителями слова «яйцо» являются «оплод-», «клет-», «жен-» и т.д., а его семантическими синонимами — «кровь», «оплодотворение», «жизнь» [Бархударов 1983: 563]. Как видим, семантика слова «яйцо» постоянно напоминает процесс творения, плодородия и жизненного начала. Несмотря на то что контексты действий с яйцом могут показаться манипуляциями, их смысл сводится к идее создания новой души (или превращения уже существующей в качественно новую жизнь) с помощью сакрального яйца.

Другой вариант — зарывание яйца в землю. Он прослеживается в чисто земледельческих ритуалах — *суха пӓтти* («каша по случаю пашни»), *ака пӓтти* («каша по случаю сева») и *Акатуй* (букв. «свадьба по случаю сева», т.е. праздник в честь завершения сева). «После пашни, помолившись, кладут в деревянную кадочку (ленкес) ложку каши и накрошенные яйца и зарывают на загоне» [Ашмарин 1928: 82]. «При посеве первую горсть кидают (вместе) с вареными яйцами» [ЧГИ 158: 36]. Должно быть, таким образом совершается жертвоприношение подземному божеству *Ѕёр йыш*, а чего добивается от него земледелец — не требует объяснений.

В выбрасывании яйца можно видеть стремление откупиться душой в виде яйца за человеческую душу. Так поступают на свадьбе, во время проводов в солдаты, в момент отделения души, в очистительном обряде *сёрен*. Встречая молодых у ворот, выносят яйцо, им три раза касаются лба жениха, а затем — невесты и бросают подальше. В ритуале проводов в солдаты «перед тем как совсем распротиться с одноподругами и родной землей, новобранец три раза совершает круг вокруг саней, а затем бросает на землю яйцо с произнесением слов» [ЧГИ 156: 101]. Как только произойдет отделение души от тела, на улицу выбрасывают яйцо с тем, чтобы вместо души мучалось яйцо [Ашмарин 1937а: 22]. В *сёрен* в финале все пляшут под музыку волынки, прыгают через огонь и бросают в овраг яйца. Как видим, присутствует явное желание ограничиться символической вместо человеческой души.

Во всех обрядовых действиях с яйцом прослеживается противопоставление «сырое–вареное». Классификация образцов текстов по этому принципу представляет вполне объяснимую картину. Сырые яйца используются в родильной обрядности, на свадьбе и при отделении души. Все эти случаи обращены к живым и реально существующим душам. Вареное яйцо используется в обрядах *суха пӓтти* (на пашне), *ака пӓтти* (на сева), *Акатуй* (праздник в честь завершения сева), *вищёш* (в день похорон), от духов предков, *сёрен* (очистительный обряд от нечистой), *шимёк* (угощение родственников на кладбище) и *Хёртсурту* (хранителю домашнего очага). Эти ритуалы непосредственным образом обращены к божествам и духам и требуют, чтобы яйцо в честь них было вареным, т.е. не имеющим потенцию. Так, чтобы угодить духу предка, наславшего хворь-беду, следует в числе прочего сварить яйцо и отнести туда, где на сороковой день совершали окончательные проводы. Таким образом, оппозиция «сырое–вареное» находится на одном уровне с понятиями «этот–тот», «живой–мертвый», «верх–низ».

У чувашей существует обряд «Ударять куриные яйца друг об друга». Происходит это в *мункун*, а также во время еды после посадки картофеля. Причем после посадки за стол садятся только наиболее усердно работавшие в огороде (кто держал соху, вел лошадь, а также другие физически крепкие мужчины). Остальные — женщины, дети и глубокие старики — идут работать в другой огород или расходятся по домам [Автор]. После моления раздают каждому по яйцу и ударяют их друг об друга. У кого в ходе таких действий яйцо в руках останется целым, того сажают за стол, и все ему кланяются. Цель ритуала, по-видимому, — символическое определение среди своих родственников, соседей и близких «избранного» богатыря (имеется в виду его физическое здоровье, ум и мудрость). Всеобщее коленопреклонение подтверждает это.

Существует еще одна специфическая особенность яйца — это способность родиться два раза: в первый раз оно несетя курицей, а во второй раз из него вылупляется цыпленок или детеныш рептилия. «В Индии птицы, рептилии и все прочие яйцекладущие существа получают наименование “дважды рожденных”. Памятуя об этом, можем заключить, что откладывание яйца эквивалентно рождению человека, а вылупливание из яйца символизирует второе рождение человека, или инициацию» [Керлот 1994: 597]. На такое таинство яйца указывается и в чувашских загадках. Например: «В маленьком сундучке душа имеется» [Ашмарин 1936а: 186]; «От живого рождается мертвый, а от мертвого — живой» [Юмарт 1984: 227].

Таким образом, яйцо заключает в себе жизненную энергию, способность к перерождению, семя творения. Эти и другие качества яйца чувашки активно используют в обрядах.

Мясо — *какай* (*аш* < иран.). В системе ритуальной культуры чувашей наиболее «мясным» обрядом по праву можно считать *юпа*. Об этом позволяет говорить даже внешний признак — количественный подход. Мясо в этот день варится в большом котле, в котором обычно варят пиво. Половину приготовленной пищи и питья оставляют дома, а другую половину берут на кладбище. *Учук* и *Киремет* также выделяются из остальных обрядов своей привязанностью к мясным блюдам [Поле 94: 247; ЧГИ 6: 625; 21: 10 и др.].

Были отмечены три формы жертвования: совместная трапеза; отделение части родственникам, находящимся на том свете или вдали от дома; угощение духов. Так, в обрядах, сопровождаемых совместной трапезой, мясо в котле варят в нужном количестве, участников иногда бывает так много, что они занимают целую лужайку, но каждый пришедший получает свою порцию мяса и каши, на совместную еду приглашают и

соседей. Мясо домашних животных было широко представлено у тюркоязычных гуззов в Волжской Булгарии. Согласно источнику, в день похорон они «возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста» [Ковалевский 1956: 128]. Вторая форма жертвования ритуального мяса — это отделение части адресату-родственнику. В обряде *хывни*, например, «каждый член семьи подходил к столу, руками, без помощи ножа, отщипывал себе кусок сваренного мяса и опускал его в общую чашу» [РГО, р. 37, оп. 1.48: 2 об.]. А «если же из этой семьи один отбывает военную службу, то и на его долю оставляется мясное и другое что-либо съестное» [ЧГИ 174: 549]. Угощение духов — третья форма жертвования ритуального мяса. В обряде, посвященном локальным *киреметям*, называют имя каждого из них, отрывая кусочки мяса на каждого и прося довольствоваться принесенным.

Наряду с мясными жертвами иногда в одних и тех же обрядах фигурируют каша, блин, пиво [РНБ. Q. IV. 379: 19 об.; ЧГИ 21: 524; 147: 203 и др.] и другие продукты. Так, в родовом обряде жертвоприношения быка центром ритуального действия становится раздача присутствующим каши и мяса, а в *Учуже* эти же продукты составляют основной дар, который съедается участниками после соответствующего моления. Аналогично на якутской свадьбе мясо и каша составляют единое блюдо [Гурвич 1980: 17]. Это вполне понятно: ведь каша всегда варилась на бульоне, т.е. в том же котле, где варилось ритуальное мясо.

Отсутствие примеров, где мясо может быть чем-либо заменено, видимо, говорит о более позднем использовании мяса в качестве жертвенного дара у чувашей. Сюда же можно присовокупить отсутствие в вербальном обращении слова «мясо», когда моление состоит из клишированного выражения: «Пусть будет пред тобой», употребляемого при жертвенных дарах любого вида.

Если в обычные дни мясо варят в чугуне, реже — в котле над очагом, то в ритуальном варианте мясо непременно готовят в большом пивном котле. Время, когда сварится мясо, можно считать непосредственным началом ритуала. В *юпа*, например, «когда мясо сварится, едут на нескольких подводах с колокольчиками с погремушками на кладбище», чтобы пригласить умершего родственника — виновника церемонии — на окончательные проводы [ЧГИ 21: 22]. Трапеза должна проходить в определенном порядке и с соблюдением правил еды. Если случайно, по неосторожности дети уронят мясо на пол — это явный признак вины этой семьи перед духами предков. Другое требование трапезы с

мясом — непременно съедание всего сваренного, будь это гусь или лошадь. Естественно, для этого нужно соответствующее время и круг участников. Все рассмотренные примеры обращены к духам, божествам или родственникам, находящимся в ином мире. Но когда ритуал посвящен живому человеку, центральному персонажу запрещается есть мясо. Именно так происходит в свадебной обрядности. Здесь жених к мясу не притрагивается. Анализ многочисленных источников позволяет утверждать, что мясные жертвоприношения являются стадияльно поздними по отношению к растительным жертвам. Таким образом, мясо становится особенной пищей, употребляемой большей частью при жертвоприношениях. Это тот случай, когда инновация в силу редкости становится ритуальной традицией.

Масло — *су* (*ёне су* — «коровье масло», *услам су* — «сливочное масло», *сар су* — «топленое масло»). Этот продукт особенно выделяется в ритуалах *сурхури*, *сёрен* и *карта пйтти* [ЧГИ 21: 5; 151: 253; 167: 79 и др.]. Оно входит в набор для приготовления обрядовой пищи, особенно каши. Помимо приготовления ритуальной еды на масле, форма жертвоприношения выражается в угощении божеств и духов маслом. К примеру, *Киреметя* угощают таким образом: на щепку кладут масло, туда сыплют муку и соль и все это относят на место. В ритуалах, посвященных выходу в поле, маслом мажут части пахотных орудий или сбури. Например, в день первого выхода на сев, прося благословения на благоприятный сев, хомут со стороны шеи лошади смазывают смесью масла и хмеля, лошадой осыпают зерном и три раза обходят вокруг запряженного скота. Как видим, в данном типе ритуалов масло используется не в составе приготовленной пищи, а в качестве натурального продукта.

В плане совместимости с маслом крупа занимает ведущее место в ритуалах. Оба продукта являются основными компонентами в приготовлении каши. Яйцо и мука также входят в число жертвенных атрибутов, часто используемых совместно с маслом [Поле 88: 39; 89: 86; ЧГИ 21: 11 и др.]. Если, например, нет долгожданного дождя, то решают провести моление божеству дождя, для чего собирают крупу, муку, масло, а также яйцо.

В молитвословиях, обращенных к божествам и духам, чуваша стараются известить о характере жертвенного дара. Так, с целью угождения *Йёрёху* говорят: «Эй, Йёрёх, Йёрёх! Я тебе и кисель, и масло даю. Не тронь уж меня» [ЧГИ 176: 221].

В использовании масла в ритуальной ситуации выражается стремление перенести его качества на объект или действие. Особенно это подчеркивается в свадебной обрядности. Во дворе свекра молодых угощают

сначала белым хлебом, а потом — коровьим маслом. Как полагают, от такого действия молодые будут жить как масло, т.е. без трения в семейных отношениях [Поле 89: 72; ЧГИ 150: 470; Ашмарин 1937: 194 и др.]. Тот же положительный смысл содержится в начале удмуртской свадьбы, когда «в знак своего согласия родители невесты накрывают стол белой скатертью, кладут на него каравай хлеба и ставят соль в солонке, кумышку и масло скоромное» [Гаврилов 1880: 171]. Масло берется из непочатой посуды, или употребляют нетронутый кусок заготовленного масла. Так делают, например, в обрядах *Хёртсурту* и *карта пӓтти*. Аналогично поступают удмурты. Намазывание головы ласточки маслом и отпускание ее к *Турӓ* с целью рассказать об усердии крестьян также отражает стремление вызвать положительный эффект. В тех случаях, когда верующие обращаются к родственникам из иного мира, масло в жертвенных дарах не используется. Например, в похоронной обрядности завариху варят без соли и без масла.

Сырок — *чӓкӓт* — в районах теплого и жаркого климата — единственный способ сохранения питательных свойств молока [Ирмшер 1989: 560]. Имеет широкое распространение в родильной обрядности чувашей, а также в обряде *юна* и на свадьбе [Поле 90: 152, 166, 185 и др.]. Через некоторое время после родов устраивается прием родственников, называемый «Сырок в честь новорожденного». Основным моментом церемонии является жертвоприношение сырком. Для этого берут непочатый сыр и целый *хӓпарту*.

Реализация жертвования сырком имеет несколько форм. Особое распространение получило жертвоприношение божествам. В чувашской свадьбе «существует обычай кидать молодой по приезду в дом мужа часть хлеба и сыра, привозимых в качестве гостинцев, на печку, воображая, что на печи находится домовой, которому необходимо выделить из привезенной пищи» [ЧГИ 174: 92]. В числе других форм жертвования укажем на жертвоприношения духам и угощение духов предков.

Хлеб является наиболее совместимым с сыром жертвенным продуктом [Поле 90: 215; 94: 275; ЧГИ 21: 23 и др.]. В обряде *чӓкӓме*, например, предводитель обряда стоит за столом и держит в руках блюдо, на котором лежит хлеб, а на хлебе — сырок. Пиво и *хӓпарту* также входят в круг используемых одновременно с сыром жертвенных даров.

Видимо, следует признать индоевропейский корень слова *чӓкӓт* (от *čak* — «капать, сочиться»). Приведем родственные основы: осетин. *čigʹd*, вахан. *čakka*, др.-инд. *tikita*, перс.-афган. *čäke* [Стеблин-Каменский 1975: 195].

Вербальный текст, как правило, содержит основную цель обращения молящегося к адресату, сообщает о виде дара. Так, в обряде по случаю сбора родственников на наречение именем новорожденного говорится, что в жертву приносят мягкий сырок, просят довольствоваться этим.

Обращает на себя внимание приготовление к обряду целого (непочатого) сыра [Поле 90: 152, 185, 215 и др.]. Так поступают в родильной обрядности, *юпа*, при выгоне скота и т.д. К примеру, в конце жатвы садятся у последнего снопа и починают целый хлеб и целый сырок. Другая особенность состоит в том, что во время моления на хлеб кладут сыр. Кроме того, на сыр в некоторых случаях ставят свечу. В обряде окончательных проводов члена семьи в иной мир на стол ставят чашку, на нее — непчатый хлеб, а на хлеб — сырок, а на нем размещают длинную свечу, закрученную в основании в виде колеса. Такое расположение жертв растительного и животного происхождения, должно быть, символизирует их совместное сосуществование — как в плане жертвоприношения, так и хозяйственно-культурном.

Конина — *лаша ашĕ* — встречается в ритуалах *Учук*, *юпа* и лечебных обрядах. Материалы зафиксированы в Тетюшском, Цивильском, Ядринском и Спасском у. Казанской губ. Совместима с блинами, хлебом и сырком.

Динамика соотношения употребления говядины и конины в рационе чувашей свидетельствует о влиянии татарской традиции на чувашей. Конина в ритуалах чувашей используется начиная с середины XVIII в. В общесельских обрядах *Учук* с использованием конины людям, не употребляющим такое мясо, давали говядину.

Конину можно считать пищей для совместной еды. Кроме того, она в некоторых случаях может являться маркером национальной принадлежности (по принципу неприятия). Так, в Тетюшском у. записан способ лечения от лихорадки: «Если человек хворает и ему снится чувашин, то к нему привешивают конину, а если снится татарин, то привешивают кусок свинины» [ЧГИ 215: 319].

Баранина — *така-сурĕх какайĕ* — «мясо барана или овцы» — используется на особо сакральных праздниках и обрядах. Например, на семейно-родовых церемониях *чўкӓме* и *шĕмĕк*. Существует специальный ритуал «жертвоприношение бараном».

В редких случаях баранину можно заменить гусятиной.

Каша с бараниной подается, как правило, к концу вечера. Кусок баранины считался самым богатым угощением. В родовых ритуалах его отделяли для духов предков и стариков. У монголов для свадебного пира из мясных продуктов «годились только баранина» [Жуковская

1988: 83]. Таким образом, баранина в религиозно-обрядовом контексте наполняет церемонию чувством коллективизма и создает праздничную атмосферу.

Свинина — *сысна какайё* — не употребляется чувашами, придерживающимися своей древней религии. Например, в рукописи XVIII в. читаем: «Пребывающие из них в языческом суевении свиною гнушаютца» [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 259]. Особенно это относится к чувашам Симбирской губ. Исследователи единогласно говорят о влиянии татарской (шире — исламской) традиции. В Коране свинина приравнена к мертвечине и крови [Коран 5: 4; 16: 116].

1.3. Жертвы растительно-животного происхождения

Пирог — *кукӑль*. Чаще всего чувашаи готовят пироги с капустой. В качестве начинки используют также тыкву, морковь, картофель и т.д.

Слово имеет этимологические соответствия в финно-угорских и тюркских языках.

Пироги — обязательная пища в обряде *сурхури*. Их пекут также на *пукрав* и *кёр сӑри* [Поле 89: 67; ЧГИ 145: 458; Канюков 1964: 47 и др.].

Семантическое поле слова *кукӑль* многоаспектно, но основная группа связана с такими понятиями, как «родня», «домашнее тепло», «девушка», «женщина». В гостевых песнях, в частности, поют:

Родные, любим мы вас,
От всей души вы любите нас.
Когда испечете пироги из ягод,
Пригласите-ка нас кушать.

Родные, мы любим вас,
От всей души вы любите нас.
Когда испечете пироги из грибов,
Пригласите-ка нас кушать [Юмарт 1979: 183].

Как видим, здесь пироги выступают в качестве символа родственных связей. Не пригласить на пироги — значит порвать связь с родными. Это касается отношений не только между родственными домами, но и частных родственных уз. Поэтому в одной песне молодой человек кается, что не смог наладить отношения с невесткой [Ашмарин 1934: 261]. Причина — в том, что он не догадался заготовить дрова, когда невестка собиралась печь пироги. Иными словами, приготовление и употребление пирога — общее дело близких родственников.